УДК 2-5
DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-92-111

Камни-записки на могиле Максимилиана Волошина

Дмитрий В. Громов
Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, gromovdv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается народный «культ», возникший на могиле поэта Максимилиана Волошина (Крым, поселок Коктебель). Посетители могилы, восходящие на гору Кучук-Енишар, приносят с собой камни, на которых пишут послания поэту. В этих посланиях Волошин выступает как податель благ, к нему обращаются с просьбами о здоровье, создании и благополучии семьи, материальном достатке, карьерных успехах и т. д. В статье приведен количественный анализ письменных обращений к Волошину. Для сравнения приводятся материалы похожего «культа» около одной из башен Новодевичьего монастыря в Москве. Два этих случая имеют схожие структуры обращений к мифологизированному сакральному адресату. Они различаются только в частностях; эти частности обусловлены особенностями адресата, места и времени обращения. Структура просьб в целом отражает структуру ценностей граждан России, выявляемую социологическими опросами; так, на первом месте оказываются категории здоровья, семейных ценностей, благосостояния и безопасности близких. Могила Волошина и башня Новодевичьего монастыря – туристические достопримечательности, подавляющее большинство посетителей приходит к ним не для того, чтобы обратиться за помощью (например, чудесным исцелением), а просто в рамках досуга. При «почитании» Волошина на первом месте оказывается не решение актуальных для человека проблем, а игровая деятельность, во многом мотивированная эстетичностью происходящего.

Ключевые слова: спонтанная обрядность, коммеморация, Максимилиан Волошин, Новодевичий монастырь

Для цитирования: *Громов Д.В.* Камни-записки на могиле Максимилиана Волошина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 4. С. 92–111. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-92-111

© Громов Д.В., 2024

Stones-notes on Maximilian Voloshin's grave

Dmitrii V. Gromov
N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gromovdv@mail.ru

Abstract. The author examines the vernacular "cult" that arose at the poet Maximilian Voloshin's grave (Crimea, Koktebel village). Visitors to the grave, ascending the Kuchuk-Yenishar mountain, bring stones on which they write messages to the poet. In these messages, Voloshin acts as a giver of benefits, he is approached with requests for health, creation and well-being of a family, material prosperity, career success, etc. The article provides a quantitative analysis of written appeals to Voloshin. For comparison, the author presents materials of a similar "cult" that exists near one of the Novodevichy Convent towers in Moscow. Those two cases have similar structures of appeals to the mythologized sacred addressee. They differ only in particulars; that are determined by the characteristics of the addressee, place and time of address. The requests generally reflect the values of Russian citizens, revealed by sociological surveys; thus, the categories of health, family values, well-being and safety of loved ones come first. Voloshin's grave and the tower of the Novodevichy Convent are tourist attractions. The vast majority of visitors come to them not to seek help (for example, miraculous healing), but simply as part of leisure. When "honouring" Voloshin, the first place is not the solution of current human issues, but gaming activity, largely motivated by the aesthetics of what is happening.

Keywords: spontaneous ritual, commemoration, Maximilian Voloshin, Novodevichy Convent

For citation: Gromov, D.V. (2024), "Stones-notes on Maximilian Voloshin's grave", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 92–111, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-92-111

В последние десятилетия в России и на постсоветском пространстве наблюдается рост спонтанной обрядности в публичных пространствах. В данной статье будет рассмотрен частный случай такой обрядности – «культ», связанный с могилой поэта Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932) на горе Кучук-Енишар близ поселка Коктебель в Крыму. Посетители могилы оставляют на ней камни с надписями, в которых обращаются к Волошину с разнообразными просьбами.

Составив этнографическое описание данного обрядового действия, мы постараемся понять, чего посетители могилы просят у Максимилиана Волошина, и почему они просят именно это.

* * *

Ранее предлагалось, изучая спонтанную обрядность в городском пространстве, выделять три группы городских объектов, к которым эта обрядность привязана: во-первых, это места, обслуживающие смену социального статуса (например, свадебные достопримечательности); во-вторых, места исполнения желаний; в-третьих, мемориалы на местах гибели и захоронениях [Громов 2013а]. Возложение камней на могилу Волошина относится сразу ко второму и третьему типам: с одной стороны, это, безусловно, коммеморативная практика – почитание умершего выдающегося поэта; с другой – действие направлено на исполнение желаний – к поэту обращаются с просьбами. Нас не должно смущать то, что рассматриваемая нами могила находится не в городе, типологически ее можно встроить в ряд городских объектов уже хотя бы потому, что ее посетители – большей частью горожане, отдыхающие на популярном курорте или путешествующие по Крыму. Записки и граффити на могилах выдающихся людей встречаются и в городах. Например, в Санкт-Петербурге подобные практики сложились на могилах местночтимого святого М.К. Татомира (Никольское кладбище)[1], генеральши А.А. Вершининой (Новодевичье кладбище)[2], на нескольких захоронениях Смоленского кладбища (наиболее известна часовня на могиле святой Ксении Петербуржской [Топоров 1995, с. 369–376; Филичева 2006]). В Москве – на склепах Введенского кладбища (больше всего – на усыпальнице семейства Эрлангеров) [Мороз 2021], на могиле юродивого И.Я. Корейши (Черкизовское кладбище) [Мороз 2014, с. 10], как минимум на трех могилах Ваганьковского кладбища и т. д. [Бессонов 2012, с. 173–175].

В большинстве перечисленных случаев адресатами письменных обращений являются христианские святые [Антонов 2023; Майзульс, Зотов, Антонов 2022; Мороз 2013, с. 83–89; Рыйгас 2013]. «В огромном количестве случаев мы имеем дело либо с непрославленными святыми <...>, либо с прославленными достаточно недавно, когда народное почитание уже сложилось» [Бессонов 2012, с. 172]. Нельзя не признать, что «некоторое типологическое

[1] *Шкаровский М.В.* Блаженный Матвей Татомир и его почитание в Петербурге // Санкт-Петербургская духовная академия. 19.05.2015. URL: https://spbda.ru/publications/shkarovskiy-m-v-blajennyy-matvey-tatomir-i-ego-pochitanie-v-peterburge/ (дата обращения 01.02.2024).

[2] *Летенкова Е.* «И блажен, кто не соблазнится обо мне...» // Фонтанка.ру. 18.06.2007. URL: https://www.fontanka.ru/2007/06/18/030 (дата обращения 02.01. 2024).

сходство у такой практики есть <...> с написанием записок за упокой или за здравие во время православного богослужения» [Мороз 2013, с. 83], а также с вотивными приношениями [Антонов 2023, с. 20]. Однако иногда объектами культа становятся довольно неожиданные персонажи. Так, на Ваганьковском кладбище в Москве пользуется почитанием старинная могила, в которой якобы похоронена известная бандитка Сонька Золотая ручка; за удачей к ней приходят преступники, она пользуется почитанием у цыган, однако большинство посетителей, оставляющих записки и граффити, – это обычные добропорядочные граждане. С просьбами могут обращаться даже не к людям; так, в Санкт-Петербурге вниманием прохожих долгое время была окружена скульптура песика Гаврюши во дворе дома № 3 по улице Малой Садовой; летом 2008 г. при реставрации грифонов на Банковском мосту обнаружилось, что в них вложено большое количество монет и записок с просьбами[3].

И.А. Бессоновым проводилась параллель между современными православными практиками подачи записок святым и иудаистской традицией; так, существует обычай оставлять записки на могилах цадиков (духовных лидеров хасидских общин), всемирно известна практика оставления записок в иерусалимской Стене Плача [Бессонов 2012]. Однако при типологическом сходстве вряд ли можно говорить о заимствовании, скорее о параллельном существовании простых в исполнении ритуальных форм.

Насколько давно появились местные практики обращения с записками к святым и выдающимся людям? И.А. Разумова приводит устный рассказ о том, что в Петрозаводске на месте нынешней площади Кирова до 1920 года существовала часовня, посвященная похороненному здесь старцу Фаддею Блаженному, и «эта часовня стала центром поклонения. Была очень популярна у гимназистов. Считали, что помогает при сдаче экзаменов. В различные щели этой часовни запихивали записки с заветными желаниями. Также считали, что он помогает влюбленным» [Разумова 2003, с. 551]. Однако нужно учитывать, что источником этой информации стало сообщение девушки 1979 или 1980 года рождения; петрозаводский историк, к которому я обратился за консультацией, сказал, что такая часовня действительно существовала, но о каких-либо записках он не знает. Известно о довольно раннем появлении записок в Санкт-Петербурге. Так, М.В. Шкаровский пишет, что записки на могиле Матвея Татомира оставляли еще в 1917 г., «на надгробие

[3] Грифонов разрушили монеты и записки // ВОтпуск.ру. 13.08.2008. URL: http://www.votpusk.ru/news.asp?msg=221629 (дата обращения 01.02.2024).

блаженного клали записки с разнообразными просьбами: об исцелении от различных недугов, удачной сдаче экзаменов, получении места службы и др.»[4]. О.Н. Филичева оценивает появление записок к Ксении Петербуржской 1910–1930 гг. [Филичева 2006], сохранились сведения об их существовании в блокадную зиму 1941 года [Рыйгас 2013, с. 143–144]. Однако надо признать, что перечисленные сообщения отрывочны, и об устойчивой традиции обращаться к кому-либо умершему посредством записок или граффити можно говорить уже в постсоветское время. В последние десятилетия наблюдается всплеск интереса к спонтанной обрядности (возможно, уже идущий на спад). Практики написания записок и граффити – частный случай этого интереса, своеобразной моды на ритуальные действия.

В моей коллекции есть записки и фотографии граффити примерно с двух десятков таких мест. Однако эти подборки обычно содержат небольшое количество текстов – от одного до двух-трех десятков; такие подборки непригодны для количественного анализа. Подборок, в которых больше ста текстов, немного; в частности, далее в качестве сравнительного материала будут использованы граффити и записки от Напрудной башни Новодевичьего монастыря в Москве.

В практиках обращения «профанного адресанта» к «сакральному адресату» (по определению А.Б. Мороза [Мороз 2013]) мы сосредоточимся на изучении «адресантов», то есть тех, кто пишет свои записки – в данном случае, на камнях. Письменные обращения к святым ранее уже использовались как материал для изучения адресантов – тех, кто эти обращения отсылает [Кормина, Штырков 2008; Бессонов 2012, с. 175–177].

* * *

Прекрасно помню день, когда летом 1974 г. мы с родителями впервые поднялись к могиле Максимилиана Волошина, располагающейся на горе над Коктебельской бухтой; тем летом я только еще готовился пойти в первый класс. Родители, как и полагается, принесли с собой камень, взятый с пляжа. Помню с тех пор, что надо было нести именно гладкий, обкатанный морем камень с пляжа, а вот про то, что на нем нужно что-то писать, не говорили. На могильной плите уже лежали камни, некоторые из них содержали надписи; мне запомнилось, что были написаны названия городов, из которых приехали отдыхающие. В следующий раз я оказался на могиле в 1988 г., будучи студентом и почитателем творчества

[4] *Шкаровский М.В.* Указ. соч.

Волошина. В тот раз камней с надписями не запомнилось. Третий мой визит пришелся на лето 2020 г., когда я и обнаружил здесь уже сформировавшуюся традицию записок-камней. Их было много. На ил. 1 видно, что камнями-голышами усыпано все пространство вокруг могильной плиты; это камни, которые принесли многие поколения посетителей (где-то здесь лежит и камушек, принесенный нашей семьей в далеком 1974 г.).

Ил. 1. Могила М.А. Волошина и его жены М.С. Волошиной на фоне Коктебельской бухты и горного массива Кара-Даг. Июль 2020 г. *Фото Д.В. Громова*

Традиции возложения камней положил начало сам поэт. Согласно рассказу вдовы Волошина Марии Степановны Заболоцкой, в последний день рождения Волошина, 28 мая 1932 г., к нему в гости пришел Александр Грин. В качестве подарка он дал подобранный тут же, на пляже, обкатанный камешек со своей подписью. Волошину понравился этот подарок, и он попросил и впредь ему такие подарки дарить. Сейчас камень, подаренный Грином, лежит в одной из витрин музея, экскурсоводы рассказывают о нем. Таким образом, музей Волошина является главным транслятором традиции возложения камней; те, кто оказываются на экскурсии в Доме поэта, практически получают инструкцию о том, что нужно делать и как. Надо добавить, что музейные экскурсоводы были трансляторами традиции не всегда; музей был открыт только в 1984 г., а камни на гору Волошина, как уже говорилось, мы, как и многие отдыхающие, носили еще за десять лет до этого.

Конечно, экскурсоводы не регламентируют характер надписей, которые могут сделать посетители; что написать – они выбирают сами. И тут, видимо, подключается общее знание – приехавшие из разных городов отдыхающие уже осведомлены о том, что и как надо делать, потому что они уже видели многочисленные объекты подобного типа у себя на родине. Срабатывает и пример: увидев на могиле и вокруг нее многочисленные камни с надписями, посетители оставляют надписи в таком же стиле.

Рассмотрим, что же они пишут; для анализа мной было сфотографировано 186 камней (собственно, все, которые еще сохраняли читаемые надписи).

1. Самую большую группу составляют пожелания здоровья – 33% (ил. 2а, 2б). Большей частью это общие пожелания здоровья (29%), значительно реже встречаются просьбы о конкретном излечении болезней (3%). Примеры надписей: «Здоровья»; «Здоровья всем!»; «Костылевы хотим быть счастливыми и здоровыми»; «Я полностью исцелена от порчи и сглаза, зла, зависти от слова / Я счастлива богата красива и здорова»; «Пусть у меня пройдет дисплазия и я буду здорова. <Рисунок – сердечко> У меня появится красивая фигура, здоровая осанка и попа как орех. <Смайл> Спасибо. <На ребре камня:> Счастье».

2. Второе место занимают блага любовные и матримониальные – 24%. Это романтическое знакомство и создание семьи – 8%; поддержание отношений, брака, семьи (сюда же вносились просьбы о разрешении семейных ссор) – 12%. Слово «любовь» без конкретизации упоминалось на 3% камней-записок. Примеры: «17.08.19 Саша + Женя <сердце>»; «Встретить красавицу нудистку и жениться»; «Хочу приехать сюда с Кириллом»; «Хочу настоящую семью <сердце>»; «Папа любимый приезжай к нам»; «мам с папай не ругалиси».

3. Просящие материальных благ и карьерных успехов составили 17,5%. Это успехи в работе – 2,5%; решение жилищных проблем – 3%; успехи в учебе – 3%; успех в путешествии – 1,5%; решение финансовых проблем – 7,5%. Примеры: «Заработать много денег, для осуществления <нрзб>»; «Стать бриллиантом в Amway!»; «Загадываю чудесную квартиру в Москве в пределах садового кольца <нрзб>»; «Хочу учиться хорошо»; «R хочу штобы R была самое лутшае гимнасткое <три сердечка и один зеленый смайлик>»; «Мой <нрзб> доход 100.000 р.»; «В понедельник мне на карту 5000 от <нрзб>».

4. В отдельную группу были выделены общие пожелания, не укладывающиеся в приведенные выше классификационные группы (24,5%). Большую часть (23%) составляют надписи, фиксиру-

ющиеся на удовлетворении потребностей – требующие счастья (11%), благополучия (2%), успеха (5%), исполнения желаний (2%); иногда они сводятся к короткому высказыванию: «Пусть всё будет хорошо» (3%). Незначительное количество (1,5%) составляют пожелания усовершенствовать некие личные качества – веру, душевные силы, жизненную мудрость. Очень часто высказывания этой группы коротки, сводятся к отдельным словам и выражениям; короткие надписи ожидаемы, если учесть, что на маленьких камнях писать неудобно.

5. «Туристические» надписи включают в себя конкретные имена, адреса туристов, пожелания вернуться. Например: «Здесь был Геныч!» Надпись «Кобеляки 20.07.12» обозначает город в Полтавской области, из которого приехал отдыхающий.

6. Небольшую группу (2%) составляют мемориальные формулы, посвященные поэту. Например: «Царствие небесное».

7. Несколько человек вместо надписей оставили рисунки (7,5%).

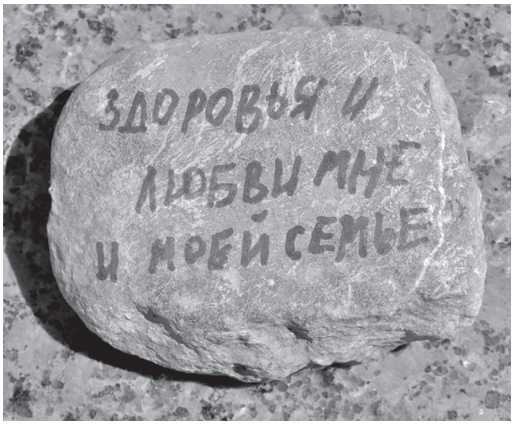
Довольно часто (11%) надписи разных классификационных групп включают изображение сердца; возможно, некоторые камни подобраны как имеющие форму сердца (ил. 2в).

Оговорюсь, что одна надпись может относиться сразу к двум или даже нескольким категориям (например: «Хочу, чтобы моя семья была здорова, и еще хочу новый телефон»). Поэтому сумма процентов по группам не составляет 100%.

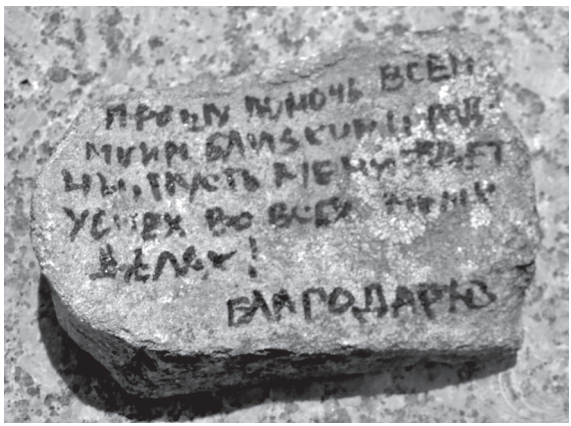
Обращает на себя внимание то, что почти никто не проявил интереса к Волошину как поэту. Посетители обращаются к нему как к подателю благ; так могли бы обращаться к местночтимому святому (примеры приводились в начале статьи). Одна из женщин, просящих о создании семьи, начинает обращение к поэту по-простому: «Дорогой максим...» О том, что Волошин – поэт, упоминается только в одной записи: «Ура виликому поэту Лада».

Возможно, обращение к Волошину в решении семейных проблем связано с тем, что поэт был хорошим семьянином, посетителям это известно не только из рассказов экскурсоводов – сам за себя говорит тот факт, что рядом с поэтом похоронена и его вдова.

Иногда по записям видно, что человек приезжает на могилу не в первый раз. Так, некий посетитель поблагодарил поэта за уже оказанную помощь и наметил новые направления сотрудничества: «Уважаемый Волошин благодарю тебя за все что ты сделал для меня, это огромная честь для меня вернуться сюда! Помоги мне обрести мою полноценную энергию помоги мне твердо встать на ноги, помоги моим близким, здоровья и благополучия».



а)



б)

в)

Ил. 2. Несколько камней с надписями,
посвященными М.А. Волошину
Фото Д.В. Громова

* * *

Именно эта классификационная схема для анализа камней-записок выбрана здесь неслучайно. Она уже использовалась при анализе граффити и записок, оставленных на Напрудной башне Новодевичьего монастыря в Москве; это место не менее известно как Софьина башня. Исследование было проведено совместно с А.Б. Ипполитовой в 2010 г. [Громов, Ипполитова 2011]. Софьина башня – место спонтанного «культа», возникшего в первой половине 2000-х гг. Внутри монастыря располагалось помещение, в котором после стрелецкого бунта Петром Первым была заключена царевна Софья Алексеевна. В настоящее время сложилось представление о Софье как святой подательнице благ, ее фольклорный образ мало отличается от образа исторической царевны и сформировался на основе нескольких прототипов [Громов 2013b]. На стенах башни писали обращения к Софье, здесь же оставляли записки. Так происходило с начала 2000-х до середины 2010-х гг., когда башня была отреставрирована. С тех пор она так и окружена забором; возможно, не только из-за продолжающейся реставрации монастыря, но и в надежде, что традиция обращений к Софье будет забыта.

Чтобы разобраться, чем различаются или, наоборот, не различаются структуры обращений к Волошину и Софье, я свел обращения к ним в единую таблицу (табл. 1).

Таблица показывает, что структуры просьб сходны между собой. Можно сказать, что они имеют единую структуру, если вывести за рамки некоторые различия, обусловленные спецификой двух адресатов просьб, двух объектов «поклонения». Далее мы обсудим, чем же обусловлено сходство структур, а пока рассмотрим различия.

1. К сожалению, по объективным причинам нам не удалось хотя бы примерно оценить, кто оставляет камни на могиле Волошина. Но у Софьиной башни это большей частью женщины, и сама Софья воспринимается как подательница «женских» благ. Из-за этого в столбцах таблицы возникают некоторые несовпадения. Просителей Софьи почти в два раза больше волнуют любовные и матримониальные блага (п. 2 – 24 и 42%). Если о поддержании брака просители заботятся в равной степени (п. 2.2), то о романтических знакомствах и создании семьи (о замужестве) значительно больше просят Софью (2.1 – 8 и 25%). Не просят Волошина о примирении с любимым человеком (п. 2.4), о забывании любимого человека (п. 2.3) и, конечно же, не рассчитывают на него в вопросах о деторождении (п. 3.1, 3.2). Зато у Волошина немного выше показатель в графе «упоминания “любви” без конкретизации» – видимо, речь идет о любви в широком понимании.

Таблица 1

Структура обращений, оставленных на могиле Максимилиана Волошина и на Напрудной башне

	Максимилиан Волошин, n = 186		Софья Напрудной башни, n = 423	
	ед.	%	ед.	%
1. Блага, связанные со здоровьем	62	33	121	28
1.1. Пожелание здоровья, в том числе: – общие пожелания здоровья – просьбы об излечении	62 54 6	33 29 3	112 91 21	26 21 5
1.2. Защита от недоброжелателей, от опасностей	2	1	9	2
2. Блага любовные и матримониальные	45	24	177	42
2.1. Романтическое знакомство и создание семьи	15	8	104	25
2.2. Поддержание отношений, брака, семьи	23	12	56	13
2.3. Примирение с любимым человеком	–	–	13	3
2.4. Забывание прежде любимого человека	–	–	4	1
2.5. Упоминание «любви» без конкретизации	7	3	–	–
3. Блага, связанные с деторождением	3	1,5	47	11
3.1. Просьба о рождении ребенка как части успешного жизненного сценария	–	–	17	4
3.2. Просьба о зачатии и рождении ребенка как проблема женского здоровья	–	–	30	7

4. Материальные блага и карьерные успехи	33	17,5	128	30
4.1. Успехи в работе	5	2,5	23	6
4.2. Устройство на новую работу	–	–	21	5
4.3. Решение жилищных проблем	6	3	24	6
4.4. Успехи в учебе	6	3	32	8
4.5. Поездка (успех в путешествии)	3	1,5	5	1
4.6. Решение финансовых вопросов	14	7,5	17	4
5. Общие пожелания	47	24,5	120	28
5.1. Фиксация на удовлетворении потребностей, в том числе:	44	23	107	26
– счастье	20	11	67	16
– благополучие	4	2	13	3
– успех	10	5	9	2
– исполнение желаний	4	2	2	0,5
– утверждение «Пусть всё будет хорошо»	6	3	16	4
5.2. Фиксация на собственных качествах, в том числе:	3	1,5	32	7
– вера	1	0,5	3	1
– душевные силы	1	0,5	13	3
– терпение	–	–	5	1
– смирение	–	–	1	0,2
– прочее	1	0,5	10	2
6. Конкретные имена, адреса туристов, пожелания вернуться	32	17	–	–
7. Мемориальные формулы	4	2	–	–
8. Рисунки	14	7,5	–	–

2. Посетители могилы Волошина и Софьиной башни находятся в разных жизненных ситуациях. Первые отдыхают на курорте, вторые – живут в городе и преимущественно работают. Это отражается в показателях п. 4 «Материальные блага и карьерные успехи»: отдыхающие озабочены этой темой почти в два раза меньше, чем жители города Москвы (17,5 и 30%). Они значительно меньше думают (или совсем не думают) об успехах в работе (п. 4.1), устройстве на новую работу (п. 4.2), решении жилищных проблем (п. 4.3), успехах в учебе (п. 4.4). Правда, посетители могилы Волошина больше озабочены решением финансовых вопросов (п. 4.6 – 7,5 и 4%) – видимо, на отдыхе вопросы экономии денег не менее актуальны, чем дома. Видимо, различие ситуаций отпуска и повседневного труда обусловливает и различия по п. 5.2 «Общие пожелания / Фиксация на собственных качествах» (1,5 и 7%) – работающие сосредоточены на себе, на необходимости решения повседневных задач.

3. Спецификой места и времени обусловлены различия в п. 6 и 7. У туристов, оказавшихся в дальней поездке, активизируется стереотипное поведение, заставляющее их оставлять знаки своего посещения («Здесь был N»), а горожанину, вышедшему на воскресную прогулку с подругой, это делать нелепо (п. 6 – 17 и 0%). При посещении могилы активизируется и стереотип поминовения (п. 7 – 2 и 0%).

Разобравшись с различиями двух случаев, попытаемся ответить на более важный вопрос: в чем и почему они сходны.

1. Может быть, это покажется парадоксальным, но среди людей, оставлявших послания и на могиле Волошина, и у Софьиной башни, очень мало людей, которые пришли сюда именно за исполнением желаний. Это места прогулок, и люди здесь именно за тем, чтобы прогуляться, провести время; посещение места исполнения желаний для них – всего лишь аттракцион, маленькое приключение в ходе прогулки. Софьина башня находится на берегу пруда, окруженного парком. Те, кто идут в парк, обязательно проходят мимо башни. Осенью 2011 года я наблюдал за посетителями Софьиной башни и взял у них пятьдесят интервью [Громов 2013b]. Могу свидетельствовать, что большинство посетителей представляли собой парочки или небольшие компании, которые вышли на прогулку; среди них, как правило, был местный завсегдатай, который ранее уже посещал парк и охотно показывал остальным здешнюю достопримечательность – башню, которая исполняет желания. Пожалуй, только в двух случаях из пятидесяти я беседовал именно с верующими людьми, которые пришли к Софьиной башне за «исполнением желаний». К сожалению, около могилы Волошина не удалось провести опроса – в реальном времени посетители на гору взбираются

редко, и представительный массив интервью пришлось бы набирать очень долго. Но мне кажется, что ситуация здесь такая же – люди приходят не оттого, что у них есть какие-то проблемы, которые они хотели бы решить на чудотворной могиле. Они просто отдыхающие, курортники, которые проводят отпуск в Коктебеле и между лежаниями на пляже решили уделить время «культурному отдыху» – посетить местную достопримечательность. Как уже говорилось выше, в надписях почти никак не отражено то, что Волошин – это великий поэт; это говорит о том, что реальных почитателей его таланта среди забравшихся на Кучук-Енишар очень мало. И Софьина башня, и могила Волошина – туристические достопримечательности, подавляющее большинство посетителей приходит к ним не для того, чтобы обратиться за помощью, а просто в рамках досуга. На это, кстати, указывает пункт 1.1 табл. 1: подавляющее большинство тех, кто просит о здоровье, ограничиваются общим пожеланием здоровья (21 и 29%), а не излечением конкретных болезней (3 и 5%).

В этой связи хотелось бы соотнести материал с идеей «кризисной сети», ранее высказанной Т.Б. Щепанской и часто упоминаемой в русскоязычной литературе о спонтанной обрядности. Согласно этой идее, многочисленные культовые места – храмы, часовни, «народные святыни» (почитаемые источники, камни и т. д.) выступают ячейками некой «сети», связанной «с разного рода нарушениями, кризисами, несчастьями» [Щепанская 1995, с. 110], призванной оказывать помощь в кризисных ситуациях (обеспечивать исполнение желаний). Несомненно, предложенный Щепанской концепт адекватно описывает суть происходящего. Но его явно недостаточно для всестороннего понимания современных «почитаемых» мест. В двух рассматриваемых случаях на первом месте все-таки не разрешение кризисных ситуаций, а досуговое поведение – посещение аттракционов, возникших, в одном случае, для культурного отдыха курортников, в другом – для прогулок отдыхающих горожан. На первом месте здесь оказывается не решение актуальных для человека проблем, а игровая деятельность, во многом мотивированная эстетичностью происходящего.

Другое дело, что, оказавшись перед сакральным объектом (в данном случае – могилой почитаемого человека), посетитель все равно формулирует обращения к нему, и в этих обращениях высказывает действительно волнующие его заботы. Место, хоть и в туристическом формате, все равно продолжает оставаться частью «кризисной сети». И причина активности этой «сети» – в актуальности просьб посетителей.

2. Рассмотрим гипотезу, согласно которой структура просьб, которые посетители могилы Волошина высказывают в своих записках,

отражает систему ценностей, присущих обществу. Мне кажется, в первом приближении мнения группы посетителей могилы можно экстраполировать на общество в целом. Основные пожелания, выраженные в графах табл. 1, сводятся к следующему. Во-первых, это блага, связанные со здоровьем (п. 1 – 33 и 28%); во-вторых, отражения семейных ценностей, выражающихся в любовных и матримониальных благах (п. 2 – 24 и 42%), в деторождении (п. 3 – 1,5 и 11%); в-третьих, материальные блага и карьерные успехи (п. 4 – 17,5 и 30%). Специфика ответов заставляет выделить еще и раздел «Общие пожелания» (п. – 24,5 и 28%); здесь собраны мало конкретизированные высказывания людей, которые не подпадают под перечисленные выше категории; вынесем эти ответы за скобки, хотя не исключено, что оставившие, например, пожелание счастья и имели в виду именно счастье здоровья, семейной жизни, достатка.

А вот какие категории ценностей выявляет исследование ВЦИОМ в 2017 г.[5] На вопрос: «Насколько для Вас важны следующие стороны Вашей жизни?» россияне дали следующие наиболее частые ответы: состояние собственного здоровья и здоровья членов семьи – индекс 99 (максимум – 100); отношения в семье – 98; личная безопасность и безопасность членов семьи – 96. Иначе говоря, в топ ответов вошли как раз ценности, которые отражают здоровье, семейные ценности, безопасность свою и близких людей. В целом направленность на благополучие присутствует и в последующих пунктах рейтинга.

Что касается ценностей, связанных с материальным благосостоянием и карьерным ростом (табл. 1, п. 4), они располагаются так: материальное положение свое и семьи – 90; возможности достижения поставленных целей – 89; экономическая и политическая обстановка в стране в целом – 83; творческая самореализация (на работе и вне работы) – 46; социальный статус, положение в обществе – 39; продвижение по карьерной лестнице, возможность занять высокую должность – 0. По этому распределению создается впечатление, что и профессиональные успехи воспринимаются в первую очередь как способ обеспечения благосостояния и безопасности себя и семьи, а потом уже как форма творческой самореализации и престижности. Показательно, что предпоследнее место в рейтинге занимает ценность «участие в общественной и политической жизни» – 8; россияне не стремятся к активизму, выбирая в

[5] ВЦИОМ. Новости: Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? (wciom.ru) // ВЦИОМ. 7.06.2017. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhiznennye-prioritety-rossiyan-semya-dengi-ili-tvorchestvo (дата обращения 01.02.2024).

качестве основных ценностей благосостояние – свое и ближайшего круга.

То же исследование ВЦИОМ показывает, что такая тенденция существовала на протяжении как минимум десятилетия. Сохранилась она и в последующие годы[6].

* * *

На основе сказанного сделаем следующие выводы.

1. Рассмотрев структуру запросов посетителей могилы Волошина (Крым) и Софьиной башни (Москва), выраженных в их записках, мы видим, что структуры этих запросов в общих чертах сходны. Можно сказать, что они имеют единую структуру, если вывести за рамки некоторые различия, обусловленные, во-первых, спецификой двух адресатов просьб, двух мифологизированных объектов «поклонения»; во-вторых, спецификой мест, где происходит «поклонение». Например, Софья воспринимается как подательница женских благ; соответственно, к ней больше обращаются по темам семьи, брака, деторождения. Расположение одного объекта в курортном месте, а другого в мегаполисе приводит, в первом случае, к появлению «туристических» надписей, а во втором – к просьбам о карьерных успехах.

2. Структура просьб в целом отражает структуру ценностей граждан России, выявляемую социологическими опросами. Так, на первом месте оказываются категории здоровья, семейных ценностей, благосостояния и безопасности близких.

3. И Софьина башня, и могила Волошина – так называемые туристические достопримечательности, подавляющее большинство посетителей приходит к ним не для того, чтобы обратиться за помощью (например, чудесным исцелением), а просто в рамках досуга. Соответственно, обращения и к Волошину, и к Софье являются отражением не экстремальных потребностей людей, жаждущих помощи, а «обыденного сознания, которое преимущественно находится в рамках событийной повседневности, связанной с удовлетворением базовых и социальных потребностей» [Рыйгас 2013, с. 150]. Можно сказать, что посетитель могилы Волошина, наносящий на камне надпись, – это не выразитель актуальных для него потребностей, а скорее респондент, отвечающий на вопросы интервьюера о ценностях.

---

[6] *Федоров В.* Ценности современного российского общества // ВЦИОМ. 20.07.2022. https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-20_Cennosti_sovremennogo_rossii__skogo_obshchestva_Fedorov.pdf (дата обращения 02.01.2024).

4. При «почитании» и Волошина, и Софьи на первом месте оказывается не решение актуальных для человека проблем, а игровая деятельность, во многом мотивированная эстетичностью происходящего. В этом контексте, конечно, важен образ самого Максимилиана Волошина – великого поэта и хорошего человека, ставшего «гением места» для Коктебельской бухты.

Очевидны дальнейшие направления исследования. Во-первых, это сравнение двух рассмотренных здесь массивов обращений с другими подобными массивами (материалы есть в нашем распоряжении), проверка их на сходство и различия; уточнение единой структуры таких обращений, выяснение причин ее вариативности. Во-вторых, выявление других массивов информации, так же (и, возможно, в соответствии с такой же структурой) отражающих системы общественных ценностей; например, заговоров, вотивных обращений и т. д.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Неоязычество в Российской Федерации» Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.

Автор благодарит за консультации сотрудников музея-заповедника «Киммерия М.А. Волошина» (в особенности С.В. Клепс), а также организаторов семинара «Антропология религии: люди, реликвии, практики на постсоветском пространстве» УНЦ визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ Д.И. Антонова и Д.Ю. Доронина за плодотворное обсуждение темы.

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the project “Neo-Paganism in the Russian Federation” of the Program of scientific research on the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity, 2023–2025.

The author thanks the staff of the museum-reserve “Cimmeria M.A. Voloshin” (S.V. Kleps) and the organizers of the seminar “Anthropology of Religion: People, Relics, Practices in the Post-Soviet Space” of the Center for Visual Studies of the Middle Ages and Modern Culture of the RSUH, D.I. Antonov and D.Yu. Doronin.

Литература

Антонов 2023 – *Антонов Д.И.* Вотивные дары в современной России: религиозная практика в динамике ее развития // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 10–31.

Бессонов 2012 – *Бессонов И.А.* Записки Богу и святым в русской и еврейской традиции // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2012. С. 165–178.

Громов 2013a – *Громов Д.В.* Обрядность в городском ландшафте – объекты и практики // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 71–82.

Громов 2013b – *Громов Д.В.* Святая Софья Новодевичьего монастыря: кто она и откуда? // Фольклор XXI века: Герои нашего времени. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 61–71.

Громов, Ипполитова 2011 – *Громов Д.В.*, *Ипполитова А.Б.* Карта человеческих желаний, или Записки у стен московского монастыря // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 76–87.

Кормина, Штырков 2008 – *Кормина Ж.*, *Штырков С.* Письма верующих как реклама: «всенародная приемная» св. Ксении Петербургской // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 154–184.

Майзульс, Зотов, Антонов 2022 – *Майзульс М.Р., Зотов С.О., Антонов Д.И.* Восковые ноги и железные глаза: вотивные практики от Средневековья до наших дней. М.: Слово/Slovo, 2022. 368 с.

Мороз 2021 – *Мороз А.Б.* Почитаемые склепы на Введенском кладбище в Москве: «Черный Спаситель» – история культа // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 163–178.

Мороз 2014 – *Мороз А.Б.* Почитание могилы Ивана Яковлевича Корейши в Москве // Живая старина. 2014. № 1. С. 9–12.

Мороз 2013 – *Мороз А.Б.* Сакральный адресат – профанный адресант: Записки святым как средство исполнения желаний // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 83–89.

Разумова 2003 – *Разумова И.А.* Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 544–559.

Рыйгас 2013 – *Рыйгас Е.В.* Письма святым: этика и поэтика сакральной коммуникации // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / Сост. А. Архипова* (Минюст России внес А. Архипову в список иностранных агентов). М.: РГГУ, 2013. С. 143–151.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Петербургские тексты и петербургские мифы (заметки из серии) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 368–399.

Филичева 2006 – *Филичева О.Н.* Записки для Ксении Блаженной: позиция церковнослужителей и народный обычай // Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж.В. Корминой, С.А. Штыркова, А.А. Панченко. СПб., 2006. С. 171–183.

Щепанская 1995 – *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиция духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–177.

References

Antonov, D.I. (2023), "Votive gifts in present-day Russia. Religious practice in the dynamics of its development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 10–31.

Bessonov, I.A. (2012) "Notes to God and saints in the Russian and Jewish traditions", in Belova, O.V., ed., *"Staroe" i "novoe" v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* ["Old" and "new" in the Slavic and Jewish cultural tradition], Moscow, Russia, pp. 165–178.

Filicheva, O.N. (2006), "Notes for Blessed Xenia. The position of clergy and folk custom", Kormina, Zh.V., Shtyrkov, S.A. and Panchenko, A.A., eds., *Sny Bogoroditsy: Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of the Virgin. Studies in the anthropology of religion], Saint Petersburg, Russia, pp. 171–183.

Gromov, D.V. (2013), "Ritual in the urban landscape – objects and practices", *Traditsionnaya kul`tura*, no. 3, pp. 71–82.

Gromov, D.V. (2013), "Saint Sophia of the Novodevichy Monastery. Who is she and where is she from?", in *Fol'klor XXI veka: Geroi nashego vremeni* [Folklore of the 21st century. Heroes of our time], Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, Moscow, Russia, pp. 61–71.

Gromov, D.V. and Ippolitova, A.B. (2011), "The map of human desires, or Notes at the Moscow monastery walls", *Traditsionnaya kul`tura*, no. 3, pp. 76–87.

Kormina, Zh. and Shtyrkov, S. (2008), "Letters of believers as an advertisement. The 'national reception desk' of St. Xenia of St. Petersburg", *Antropologicheskii forum*, no. 9, pp. 154–184.

Maizul's, M.R., Zotov, S.O. and Antonov, D.I. (2022), *Voskovye nogi i zheleznye glaza: votivnye praktiki ot Srednevekov'ya do nashikh dnei* [Wax legs and iron eyes. Votive practices from the Middle Ages to the present day], Slovo/Slovo, Moscow, Russia.

Moroz, A.B. (2021), "Revered crypts at the Vvedensky cemetery in Moscow: 'Black Savior' – the history of the cult", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 163–178.

Moroz, A.B. (2014), "Veneration of the grave of Ivan Yakovlevich Koreysha in Moscow", *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 9–12.

Moroz, A.B. (2013), "The sacred addressee is a profane addressee. Notes to saints as a means of fulfilling desires", *Traditsionnaya kul`tura*, no. 3, pp. 83–89.

Razumova, I.A. (2003), "Non-fairy tale prose of a provincial town", in *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Modern urban folklore], Moscow, Russia, pp. 544–559.

Ryigas, E.V. (2013), "Letters to the saints. Ethics and poetics of sacred communication", in Arkhipova*, A., ed., *Mifologicheskiye modeli i ritual'noye povedeniye v sovetskom*

i postsovetskom prostranstve [Mythological models and ritual behavior in the Soviet and post-Soviet space], RGGU, Moscow, Russia, pp. 143–151.

Shchepanskaya, T.B. (1995), "Crisis network (tradition of spiritual development of space)", in *Russkii Sever: K probleme lokal'nykh grupp* [Russian North. On the issue of local groups], Saint Petersburg, Russia, pp. 110–177.

Toporov, V.N. (1995), "Petersburg texts and Petersburg myths (Notes from the series)", in Toporov, V.N., *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic], Progress – Culture, Moscow, Russia, pp. 368–399.

Информация об авторе

Дмитрий В. Громов, доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; gromovdv@mail.ru

Information about the author

Dmitrii V. Gromov, Dr. of Sci. (History), N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; gromovdv@mail.ru